

Д. Ю. Менчиков

**ЧЛЕНСТВО В ЕС ДЕ-ФАКТО:
ПОПЫТКА АДАПТАЦИИ К ТЕКУЩИМ ВЫЗОВАМ**

МГИМО МИД России, Москва, Россия
Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия

Поступила в редакцию 08.10.2025 г.

Принята к публикации 14.11.2025 г.

doi: 10.5922/vestnikhum-2025-4-11

133

Для цитирования: Менчиков Д. Ю. Членство в ЕС де-факто: попытка адаптации к текущим вызовам // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канга. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2025. №4. С. 133–147. doi: 10.5922/vestnikhum-2025-4-11.

*Исследована модель отношений с Европейским союзом, которую предлагается называть «членством де-факто». Высокая степень актуальности этого формата взаимодействия обуславливается стоящими перед Евросоюзом вызовами, в частности вопросом международной субъектности объединения, а также рядом инициатив в рамках ЕС по учреждению более гибкого сотрудничества, среди прочего, в области внешней политики. Концепция дополняет имеющиеся форматы дифференцированной интеграции и внешней дифференциации сотрудничества с Европейским союзом. Цель исследования состоит в выявлении существующих концепций сотрудничества с ЕС, выходящих за рамки стандартного членства де-юре. Методами исследования были выбраны ивент-анализ и сравнительный анализ. В результате представлены элементы выравнивания внешней политики, обусловленности интеграции, значимости энергетического компонента в области экономического взаимодействия, самостоятельная инициатива третьих стран по внедрению *acquis communautaire* в местное законодательство, важность фактора общей культурной идентичности, а также количественных показателей – ориентированности более 50 % объема внешней торговли страны на европейский рынок и имплементации более 50 % нормативно-правовых актов ЕС в национальное законодательство. Приведен сравнительный анализ кейсов Швейцарии как показательного примера членства де-факто и ОАЭ как страны, только ведущей переговоры о зоне свободной торговли с ЕС. Обоснован вывод о приоритизации руководством Евросоюза политического компонента модели членства де-факто в отношениях с третьими странами, нередко с риском для дальнейшего сотрудничества.*

Ключевые слова: выравнивание внешней политики, дифференцированная интеграция, европейская интеграция, обусловленность интеграции, членство в ЕС де-факто

Введение

В настоящее время сотрудничество в рамках интеграционных объединений приобретает большую значимость для государств, так как представляет собой возможность как извлечения экономической выго-

ды, так и усиления собственной политической позиции на международной арене в рамках организаций, что особенно актуально для малых государств с невысоким уровнем влияния.

Следует отметить и ряд рубежных моментов в функционировании Европейского союза и европейской интеграции. В Маастрихтском договоре была четко обозначена международная правосубъектность Евросоюза (статья 47)¹, что стало одной из ключевых составляющих внешнеполитической концепции блока [21, р. 279].

Тем не менее к середине 2020-х гг. стали наблюдаться тенденции снижения значимости ЕС как актора мировой политики. Примером может послужить российско-американский саммит в Анкоридже 15 августа 2025 г., когда в отношении одной из ключевых проблем современных международных отношений – украинского кризиса – предпринималась попытка найти решение без участия представителей Евросоюза. Встреча с европейскими лидерами была проведена Дональдом Трампом уже после переговоров с Владимиром Путиным и носила гораздо менее значимый, «вторичный» по отношению к предшествующей встрече на Аляске, характер. К примеру, в рамках Минских договоренностей, заключенных в 2014–2015 гг. в целях урегулирования украинского кризиса, ведущие стран – члены ЕС (Франция и Германия) играли основополагающую роль.

Кроме того, в июле 2025 г. между США и ЕС имело место заключение своего рода «торговой сделки», условия которой были однозначно более выгодны для американской, нежели для европейской стороны. При этом согласие Европейского союза на это обуславливалось риском введения еще более высоких пошлин, а также возможностью сокращения американского военного контингента в Европе². В условиях возврата к принципам реализма в мировой политике влияние фактора военного присутствия великих держав возрастает [2, с. 134].

Кроме того, в ходе резкого обострения украинского кризиса в 2023 г. в рамках ЕС была выдвинута инициатива отхода от принципа единогласного принятия решений в области внешней политики и перехода к принятию решения квалифицированным большинством, «коалицией желающих», или же иным способом, позволяющим обойти накладываемое на проекты решений вето несогласными странами. Так, 4 мая 2023 г. было заявлено о создании «Группы друзей для содействия голосованию квалифицированным большинством в рамках ОПБО». В данное неформальное объединение вошли Бельгия, Германия, Италия, Испания, Люксембург, Нидерланды, Словения, Финляндия, Франция³. Ключевой целью данной акции обозначено повышение внешнеполитической (международной) акторности Евросоюза.

¹ *Treaty on European Union*. URL: <http://data.europa.eu/eli/treaty/teu/sign> (дата обращения: 15.09.2025).

² *The Times*: ЕС пошел на «ужасную сделку» с Трампом. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/24696877> (дата обращения: 15.09.2025).

³ *Bulletin Quotidien Europe*. 2023. №13175.

Таким образом, можно наблюдать устойчивую тенденцию и потребность в поиске более гибких, адаптивных и реактивных форматов сотрудничества, сюда же можно отнести и более адаптивные форматы собственно интеграционного взаимодействия.

Здесь следует отметить, что как в теоретическом аспекте, так и в практическом измерении уже существуют концепции гибкого интеграционного сотрудничества. Сюда отнесем идею «гибкой (дифференцированной)» интеграции, предполагающей более адаптированное по темпам в соответствии с возможностями конкретного государства взаимодействие [4; 6; 7; 20, р. 454]. Схожим образом можно отметить концепции «Европы разных скоростей», «вариабельной геометрии», *Europe à la carte*. Во внешнеполитическом плане точнее представленную идею описывает понятие «внешняя дифференциация», сложившееся к середине 2010-х гг. [1, с. 9; 10, р. 1060; 11; 14; 19]. К его ключевым идеям можно отнести:

- в политическом плане:
 - участие в агентствах ЕС;
 - распространение сферы влияния на стран-кандидатов на вступление в блок;
- в экономическом плане:
 - различная степень участия в Едином рынке;
 - различия в предлагаемых моделях договоров;
 - различная степень инициативности стран-кандидатов;
- в правовом плане:
 - ключевая роль *acquis communautaire* как инструмента интеграции и вовлечения;
 - дополнение чисто правовой интеграции политическим влиянием на третьи страны.

Примечательным моментом в концепции внешней дифференциации является собственно «дифференцирование», четкое разграничение стран по уровню их ассоциированности с ЕС в различных аспектах.

В текущих условиях тем не менее нам представляется целесообразным дополнить вышеуказанные идеи гибкого, избирательного сотрудничества в рамках европейской интеграции, сформулировав концепцию «членства в ЕС де-факто».

Первым отличием нам видится отсутствие дифференциации как таковой, то есть градации стран в области их сотрудничества с ЕС. Это позволяет сделать концепцию более целостной, а также, как следствие, более широко, без излишних ограничений применять интеграционную политику в отношении третьих государств.

В области политических характеристик следует обозначить принцип обусловленности (*conditionality*), действующий в отношениях ЕС с третьими странами. Этот принцип предполагает зависимость предоставления помощи со стороны ЕС или же дальнейшей интеграции третьих стран от выполнения ими обозначенных Евросоюзом условий. Так, уже в преамбуле Соглашения об ассоциации Украины и Европей-

ского союза обозначены необходимость для украинской стороны следовать европейским стандартам демократии, а также зависимость дальнейшего продвижения интеграции от выполнения политических и экономических обязательств¹. Схожим образом статья 8 Соглашения о стабилизации и ассоциации между ЕС и Сербией увязывает прогресс в области евроинтеграции Сербии с прогрессом в выполнении страной Соглашения².

Кроме того, важно отметить и требование выравнивания внешней политики страны (*alignment*) с политическим курсом ЕС. В первую очередь это касается санкционной политики, в частности антиросийских санкций, однако могут присутствовать и другие направления, как, например, гуманитарные операции, миротворческая деятельность и т. п. Особую значимость данный критерий приобретает в настоящее время, так как остро встает вопрос о международном позиционировании Евросоюза, которому требуется подтверждение статуса значимого игрока в мировой политике.

В рамках экономического взаимодействия следует отдельно подчеркнуть интеграцию в энергетической области, а именно требование ЕС по имплементации Третьего энергопакета, а также внедрение ценовой политики Евросоюза в практики третьих стран.

Наконец, концепция членства де-факто предполагает и культурный компонент, заявленное культурное единство стран с Европой (в случае Евросоюза).

Таким образом, в сочетании с уже имеющимся форматом внешней дифференциации и в дополнение к таковому формат членства де-факто предполагает следующие критерии для определения и применения.

Критерии определения

Что касается политической сферы, одним из ключевых аспектов является выравнивание *внешней политики* страны в соответствии с внешнеполитическим курсом ЕС. Примером здесь могут послужить Великобритания, Швейцария, а также Украина, Албания, Черногория. Говоря о Соединенном Королевстве, следует отметить, что уже после выхода из Евросоюза на страну было наложено юридическое обязательство проводить внешнюю политику в фарватере политического курса ЕС до конца переходного периода. В дальнейшем, после окончания переходного периода, данная практика продолжилась уже без юридического оформления как такового — санкционная политика Великобритании

¹ *Ukraine* — European Union Association Agreement // EUR-Lex. URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/agree_internation/2014/295/oj/eng (дата обращения: 15.09.2025).

² См. ст. 8 Соглашения об ассоциации между ЕС и Сербией. URL: https://www.mei.gov.rs/upload/documents/sporazumi_sa_eu/saa_textual_part_en.pdf (дата обращения: 15.09.2025).

во многом коррелирует с практиками ЕС. Что касается Швейцарии, в данном случае имеет место дилемма между политикой выравнивания и принципом нейтралитета во внешней политике государства. В настоящее время наблюдается тенденция к большему выравниванию внешнеполитического курса в отношении ЕС.

Таким образом, говоря о критерии выравнивания внешней политики в соответствии с курсом ЕС, можно отметить, что этот критерий является одним из ключевых и неизменно фигурирует в отношениях со всеми странами, попадающими под категорию членства в ЕС де-факто. Этому способствует, среди прочего, весьма консолидированная позиция институтов ЕС по вопросам внешней политики [18]. По мнению западных авторов, межправительственный подход преобладает в процессе формирования внешней политики ЕС, несмотря на порой существенные различия позиций стран-членов в различных отраслях [8, p. 111; 21, p. 282].

В дополнение к этому отметим такой критерий интеграционной политики Европейского союза, как обусловленность (*conditionality*). Он подразумевает зависимость дальнейшей интеграции и получения финансовой, технической и иной помощи от выполнения странами установленных Евросоюзом критериев. Помимо обозначенных выше правовых норм, инкорпорированных в договоры о сотрудничестве ЕС с третьими странами, упомянем также и механизм оценивания прогресса кандидатов на вступление по довольно внушительному ряду критериев (кластеров), претворяемый в жизнь Еврокомиссией и служащий, в зависимости от ситуации, основой для дальнейшего принятия решения о вступлении в Евросоюз или для начала переговоров.

Важным инструментом сближения является участие третьих стран в деятельности различных агентств ЕС. В данном случае может осуществляться как политическая, так и, например, экономическая интеграция, вследствие принятия третьими странами участия в различных проектах в рамках деятельности агентств. Здесь также может идти речь о частичной передаче суверенитета на уровень Евросоюза как еще одной составляющей членства де-факто, при этом на наднациональный уровень может передаваться преимущественно суверенитет политический (органов государственной власти), в то время как народный суверенитет может оставаться на национальном уровне [16, p. 600]. Подобные действия могут находить объяснение в рамках теории либерального межправительственного подхода, предложенного Эндрю Моравчиком в конце XX в. В частности, следует отметить стремление государств к рациональному извлечению выгоды от межправительственного сотрудничества как ключевую движущую силу [12, p. 1115].

Кроме того, важно подчеркнуть и общий для всех стран подход со стороны Европейского союза, который можно сформулировать как *membership matters*, когда страны – члены ЕС имеют большие преимущества в сравнении с теми государствами, кто формально не состоит в интеграционном объединении. Достаточно четко данная практика

просматривается в отношении Великобритании [22, р. 155]. Будучи членом ЕС, Соединенное Королевство имело весомые позиции и пользовалось рядом привилегий. После выхода из Евросоюза двусторонние отношения были выстроены не в пользу Великобритании.

Говоря о *торгово-экономической сфере*, следует отметить высокий уровень торгового сотрудничества, включая соглашения об экономической ассоциации, а также интеграцию технических и санитарных стандартов ЕС. Безусловно важно активное участие страны-члена де-факто в Едином европейском рынке, показательным примером чего может служить Швейцария [3, с. 35], причем в категории как экспорта, так и импорта товаров и услуг. Оба этих компонента являются ключевыми при определении подобного формата взаимодействия с Евросоюзом. Один лишь высокий уровень импорта из ЕС, к примеру, не дает оснований говорить о членстве де-факто. Некоторым ограничением здесь может выступить сложившаяся со стороны Евросоюза практика высокого уровня протекционизма. Это может касаться в том числе и союзников ЕС [5, с. 254–255].

Отдельно следует отметить *энергетический аспект* членства де-факто, который предполагает расширенное участие в европейском энергетическом рынке, включая ценовую политику, высокий уровень интеграции энергетических технических стандартов Евросоюза на национальном уровне. Надо сказать и о принятии положений Третьего энергопакета ЕС, а также проведении правительством страны политики диверсификации источников энергии. Последний пункт приобрел особую значимость после объявления о нацеленности ЕС на отказ от российских энергоносителей в 2022 г.

Также представляется важным дополнить качественные показатели некоторыми количественными индикаторами. Автор считает необходимым в качестве порога для применения концепции членства де-факто в экономической сфере ориентированность большей части объема (более 50 %) внешней торговли страны на рынок ЕС. Для стран — членов ЕС показатель внутриблоковой торговли в настоящее время в среднем составляет 58–60 %¹. Безусловно, для тех стран, которые формально не являются членами объединения, планка может и должна быть снижена. Однако если экономика страны ориентирована на европейский рынок лишь в меньшей своей части, при том что экономической интеграции с ЕС способствуют различные двусторонние соглашения, то вряд ли в этом случае представляется возможным говорить о тесном взаимодействии.

Значимым моментом является интеграция в *правовой сфере*. Особенностью членства де-факто является существенное интегрирование пра-

¹ EU Exports, Imports And Trade Partners // The Observatory of Economic Complexity. URL: https://oec.world/en/profile/international_organization/eu#:~:text=In%202023%2C%2058.8%25%20of%20total,Digital%20Trade (дата обращения: 23.09.2025).

вовых норм Европейского союза, а также технических и иных стандартов в национальное законодательство. Данный элемент является составляющей частью Копенгагенских критериев, сформулированных в 1993 г., в частности, для приема в состав ЕС новых стран. В частности, страна-кандидат должна быть в состоянии внедрить в национальное законодательство правовые нормы Европейского союза. В рамках предлагаемой концепции членства де-факто принципиально важна самостоятельная инициатива стран по интеграции *acquis communautaire* в национальное законодательство.

По аналогии с количественными показателями в области экономической интеграции, предлагается также определять порог применимости концепции членства де-факто уровнем в 50 % внедрения нормативно-правовых актов ЕС в местное законодательство. Несмотря на указанную выше значимость инициативности национального правительства в вопросе внедрения *acquis communautaire*, а также требования европейских органов в этом отношении, практика правовой интеграции может наталкиваться на объективные внутренние сложности и несколько отставать от заданных, желаемых показателей [9].

Культурно-идеологический компонент включает в себя принятие европейских ценностей, положительное отношение большинства населения к членству в Евросоюзе и к ЕС в целом. В рамках данного компонента предполагается осознание себя частью «единой Европы», учитывая свои исторические корни. Западные исследователи отмечают, что, несмотря на свой транснациональный характер, концепция европейской идентичности в гораздо большей степени эффективно работает именно на национальном уровне [17]. Следовательно, чем больше изначально компонентов европейской культуры присутствует в государстве, тем легче проходит его сближение, славивание с Европейским союзом. В рамках культурного аспекта европейской интеграции, равно как и членства де-факто следует выделить развивающуюся теорию постфункционализма, делающую ключевым компонентом европейской интеграции культурную идентичность. В рамках этой теории недостаточная сплоченность стран ЕС объясняется дефицитом внимания к общеевропейской идентичности [13, p. 1215].

Говоря о практической значимости и применимости данной концепции, как уже было сказано в начале работы, к настоящему времени в вопросах как внутренней, так и внешней политики ЕС устойчиво существует потребность к адаптивному и дифференцированному сотрудничеству, а существующие концепции в этой области требуют дополнения. Своеобразным показателем является, например, периодически озвучиваемая инициатива отхода от единогласного принятия решений по вопросам внешней политики в рамках ЕС, наткнувшаяся на проблему необходимости также единогласного принятия решения по данному вопросу, что создает своего рода «замкнутый круг».

Сравнение кейсов

Рассмотрим также особенности соотношения формата членства де-факто и иных вариантов взаимодействия третьих стран с ЕС.

В качестве первого примера представляется уместным выбрать Швейцарию как страну с высокой степенью интегрированности с Европейским союзом, при этом не являющуюся его членом.

Политическими аспектами швейцарской модели отношений с ЕС являются следующие:

— следование внешнеполитическому курсу ЕС при сохранении по возможности собственных существующих принципов во внешней политике — нейтралитета и суверенитета. С другой стороны, после 2022 г. можно наблюдать некоторое размытие указанных принципов — в частности, когда речь заходит о санкционной политике ЕС, что является одним из наиболее важных компонентов членства в ЕС де-факто;

— политическая инициатива по интеграции в существенной степени права ЕС в национальное законодательство при сохранении некоторых местных правовых норм;

— активное участие в программах ЕС, при этом регулирование участия в программах Евросоюза достаточно существенно зависит от проводимой страной внешней политики или принятия тех или иных нормативно-правовых актов. Примером может послужить вопрос антииммигрантских законов в Швейцарии или вопрос интеграции Хорватии в различные проекты Европейского союза.

В области экономического сотрудничества ЕС и Швейцарии, рассмотрим двустороннюю торговлю товарами и услугами с ЕС за 2021 — 2023 гг. (рис. 1 и 2).

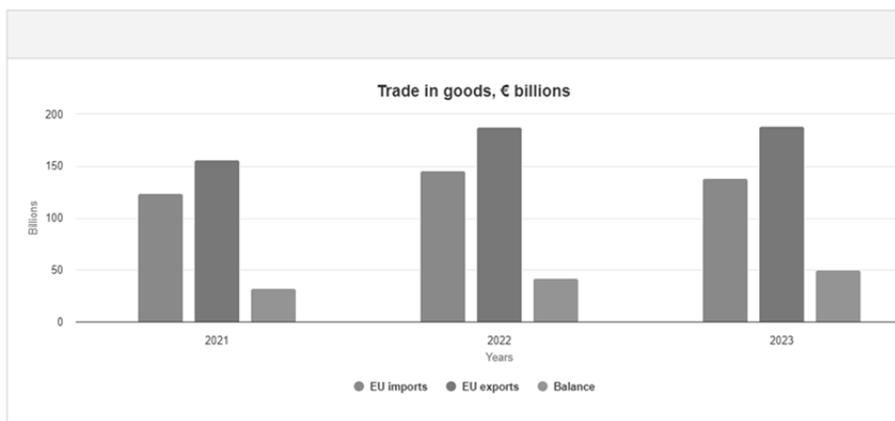

Рис. 1. Торговля товарами между ЕС и Швейцарией

Источник: European Commission¹.

¹ *Switzerland EU trade relations with Switzerland. Facts, figures and latest developments* // European Commission. URL: https://policy.trade.ec.europa.eu/eu-trade-relationships-country-and-region/countries-and-regions/switzerland_en (дата обращения: 16.09.2025).

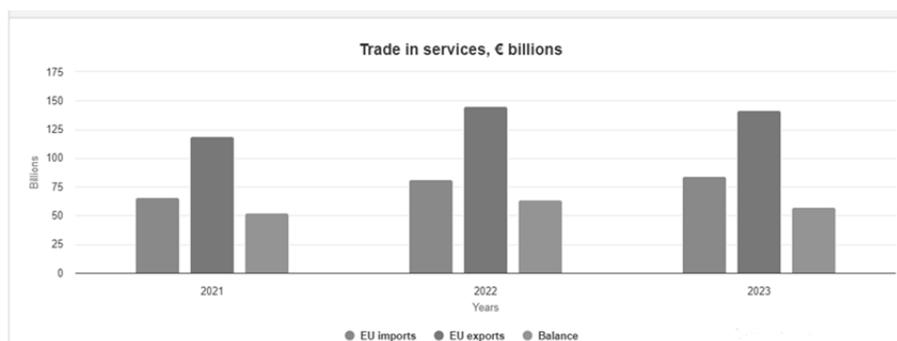

Рис. 2. Торговля услугами между ЕС и Швейцарией

Источник: European Commission¹.

Можно констатировать весьма высокий уровень торгового оборота между ЕС и Швейцарией за указанные годы, однако также можно наблюдать и постоянное отрицательное торговое сальдо Швейцарии в двусторонних отношениях или же положительное сальдо для Евросоюза. В особенности это примечательно в той связи, что Швейцария устойчиво является страной-экспортером, в значительной степени зависящей от экспорта.

В процентном соотношении 50 % (или чуть более, по другим оценкам) общего швейцарского экспорта направлено на рынок Европейского союза², что позволяет говорить о применимости концепции членства де-факто в этом аспекте.

Рассмотрим также и правовую интеграцию. Несмотря на ряд сложностей в данном вопросе, право ЕС в своем большинстве инкорпорировано в швейцарское законодательство [15, р. 838].

Говоря о нормативно-правовых актах Швейцарии, можно выделить закон о технических барьерах для торговли. Данный акт определяет свободный оборот на территории Швейцарии для продукции, находящейся в обороте в ЕС, а также выравнивание технических стандартов и требований Евросоюза и Швейцарии³.

Важно также отметить и де-факто инкорпорирование ряда европейских директив в швейцарское законодательство [23]. В частности,

¹ *Switzerland EU trade relations with Switzerland. Facts, figures and latest developments* // European Commission. URL: https://policy.trade.ec.europa.eu/eu-trade-relationships-country-and-region/countries-and-regions/switzerland_en (дата обращения: 16.09.2025).

² *Switzerland – EU in figures* // FDFA. 07.07.2025. URL: <https://www.europa.eda.admin.ch/en/switzerland-eu-in-figures> (дата обращения: 16.09.2025).

³ *Loi fédérale sur les entraves techniques au commerce (LETC) du 6 octobre 1995 (Etat le 1er mai 2017)*. URL: https://www.fedlex.admin.ch/eli/cc/1996/1725_1725_1725/fr (дата обращения: 16.09.2025).

Директива 2019/904 «О сокращении влияния некоторых пластиковых выбросов на окружающую среду»¹ была интегрирована в качестве Федерального закона о защите окружающей среды². Положения директивы 2019/790 «Об авторских правах»³ нашли отображение в законе о защите авторских прав⁴. Директива 2015/2366 «О платежных системах»⁵ тесно пересекается с законом о борьбе с отмыванием денег и финансированием терроризма⁶.

С точки зрения культурной идентичности можно говорить о принадлежности к единому культурному, языковому, религиозному пространству Швейцарии и стран ЕС.

Таким образом, Швейцарская Конфедерация предстает как пример наиболее интегрированного в систему ЕС государства в рамках феномена членства де-факто с учетом некоторых национальных особенностей.

В качестве иного формата сотрудничества приведем кейс Объединенных Арабских Эмиратов – государства, к которому, во-первых, не представляется возможным применить концепт членства де-факто, а во-вторых, у которого в принципе не имеется полноценного юридического соглашения о сотрудничестве с ЕС (находится на стадии разработки⁷).

В том, что касается политического компонента сотрудничества, ключевые составляющие формата членства де-факто – принципы обусловленности сотрудничества (его принятие ОАЭ) и выравнивания внешней политики – здесь применения не находят. В своей внешней

¹ Directive (EU) 2019/904 of the European Parliament and of the Council of 5 June 2019 on the reduction of the impact of certain plastic products on the environment. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2019/904/oj> (дата обращения: 16.09.2025).

² Federal Act on the Protection of the Environment (Environmental Protection Act, EPA) of 7 October 1983 (Status as of 1 January 2022). URL: https://www.fedlex.admin.ch/eli/cc/1984/1122_1122_1122/en (дата обращения: 16.09.2025).

³ Directive (EU) 2019/790 of the European Parliament and of the Council of 17 April 2019 on copyright and related rights in the Digital Single Market. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2019/790/oj> (дата обращения: 16.09.2025).

⁴ Federal Act on Copyright and Related Rights (Copyright Act, CopA) of 9 October 1992 (Status as of 1 January 2022). URL: https://www.fedlex.admin.ch/eli/cc/1993/1798_1798_1798/en (дата обращения: 16.09.2025).

⁵ Directive (EU) 2015/2366 of the European Parliament and of the Council of 25 November 2015 on payment services in the internal market. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32015L2366> (дата обращения: 16.09.2025).

⁶ Federal Act on Combating Money Laundering and Terrorist Financing (Anti-Money Laundering Act, AMLA) of 10 October 1997 (Status as of 23 January 2023). URL: https://www.fedlex.admin.ch/eli/cc/1998/892_892_892/en (дата обращения: 16.09.2025).

⁷ ЕС и ОАЭ приступили к переговорам по соглашению о свободной торговле // Интерфакс. 28.05.2025. URL: <https://www.interfax.ru/world/1028410> (дата обращения: 15.09.2025).

политике Объединенные Арабские Эмираты руководствуются принципом многосторонности, уделяя при этом немало внимания незападному миру. На «западном» треке внешней политики имело место, к примеру, присоединение страны к Авраамическим соглашениям по стабилизации отношений с Израилем под эгидой США. В последние годы, однако, активно развиваются и иные направления внешней политики. В частности, с 2024 г. страна является членом БРИКС. Речи о присоединении Арабских Эмиратов, к примеру, к антироссийским санкциям также не идет. С другой стороны, данная позиция руководства ОАЭ вызывает негативную реакцию ЕС, так как в интеграционном блоке желали бы видеть Арабские Эмираты в большей степени ориентированными на сотрудничество с западным миром. Помимо устной критики, имело место и введение санкций против компаний из ОАЭ. Произошло это на фоне переговоров о соглашении о зоне свободной торговли.

В вопросе экономического взаимодействия рассмотрим товарооборот между ЕС и ОАЭ. Как показывают данные TradingEconomics, экспорт Евросоюза (рис. 3) в Объединенные Арабские Эмираты существенно превышает импорт из страны (рис. 4).

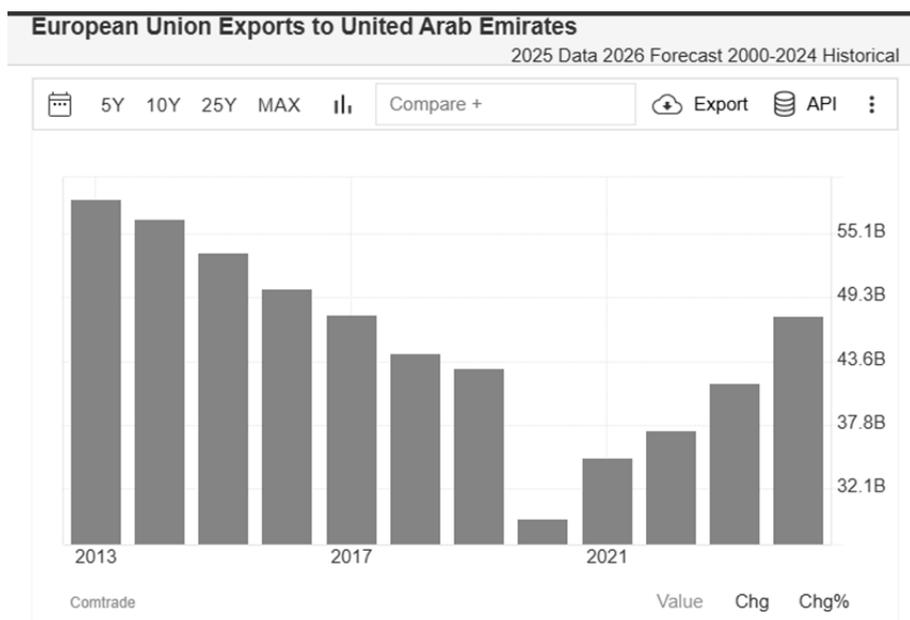

Рис. 3. Экспорт ЕС в ОАЭ. Источник: TradingEconomics¹

¹ European Union Exports to United Arab Emirates 2025 Data 2026 Forecast 2000–2024 Historical // TradingEconomics. URL: <https://tradingeconomics.com/european-union/exports/united-arab-emirates> (дата обращения: 16.09.2025).

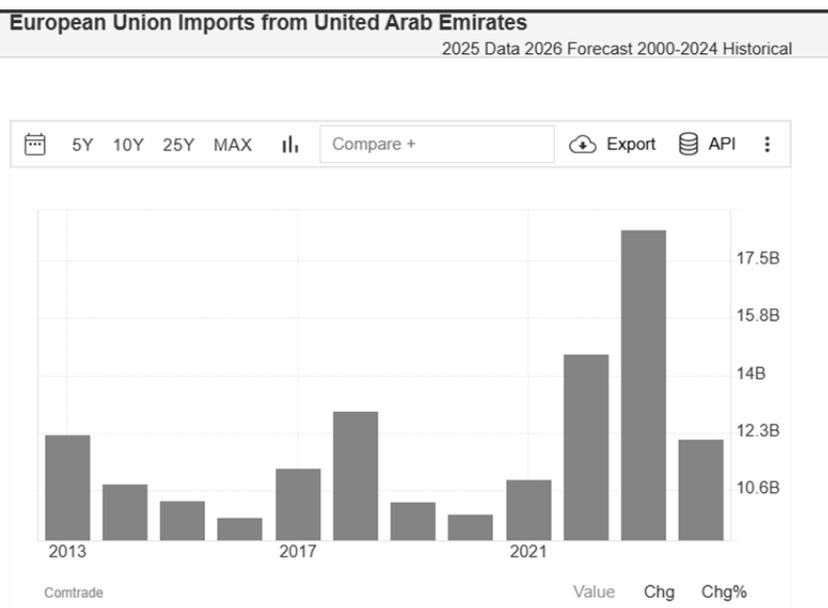

Рис. 4. Импорт ЕС из ОАЭ. Источник: TradingEconomics¹

При этом Объединенные Арабские Эмираты входят лишь в топ-20 торговых партнеров ЕС, в то время как Швейцария устойчиво занимает в списке четвертое место. В общем объеме экспорта ОАЭ (более 800 млрд долларов в 2024 г.²) составляющая ЕС незначительна.

Вопрос правовой интеграции в случае с ОАЭ к настоящему моменту не имеет существенной актуальности, так как сотрудничество сторон находится на умеренном по сравнению со странами-кандидатами уровне.

В вопросе культурного фактора говорить об общей идентичности также не приходится.

Сопоставляя представленные выше кейсы, можно отметить стремление ЕС перенести политическую и, в меньшей степени, правовую составляющую членства де-факто на те государства-партнеры, которые не вписываются в рамки указанного концепта и лишь намереваются углублять существующие связи с Евросоюзом. Подобный подход, однако, рискован и чреват снижением уровня заинтересованности в сотрудничестве с Европейским союзом, прекращением ряда совместных проектов.

¹ *European Union Imports from United Arab Emirates* 2025 Data 2026 Forecast 2000–2024 Historical // TradingEconomics. URL: <https://tradingeconomics.com/european-union/imports/united-arab-emirates> (дата обращения: 16.09.2025).

² *UAE foreign trade reaches AED5.23 trillion in 2024, up from AED3.5 trillion in 2021* // Emirates news agency // WAM. 20.04.2025. URL: <https://www.wam.ae/en/article/bj9uwl-t-uae-foreign-trade-reaches-aed523-trillion-2024> (дата обращения: 17.09.2025).

Заключение

Подводя итог, следует определить концепцию членства в ЕС де-факто как ответ на возрастающую потребность в более гибком и адаптивном сотрудничестве с интеграционным объединением. Данная концепция дополняет существующее теоретическое знание по проблематике, вводя, в частности, фактор обусловленности сотрудничества, критерий выравнивания внешней политики, а также обращая внимание на значимость фактора культурной общности и количественные показатели экономического и правового критериев. Текущие практики показывают стремление руководства ЕС применять элементы концепции членства де-факто к государствам вне зависимости от текущего уровня кооперации и реализуемости данной модели, выделяя политический компонент как определяющий в данном формате сотрудничества.

Список литературы

1. Бабынина Л.О. Расширение как особый случай внешней дифференциации ЕС // Современная Европа. 2025. №1. С. 5–17. doi: 10.31857/S0201708325010012.
2. Глобальное военное присутствие США // Введение в прикладной анализ международных ситуаций: учебник / под ред. Т.А. Шаплеиной. М., 2014. С. 134–148.
3. Говорова Н.В., Бабынина Л.О., Тимошенко Е.П. Европейский союз и Швейцария: разнонаправленные векторы сотрудничества // Современная Европа. 2015. №2 (62). С. 34–47.
4. Кавешников Н.Ю. Заявка Украины на вступление в ЕС как импульс для реформирования политики расширения // Современная Европа. 2022. №6. С. 18–34. doi: 10.31857/S020170832206002X. EDN: goisff.
5. Кондратьева Н.Б. Европейская модель интеграции рынков: становление и перспектива. М., 2020.
6. Стрежнева М.В. Дифференцированная региональная (дез)интеграция после Брексита // Вестник МГИМО. 2022. №3. С. 39–60.
7. Amadio Viceré M.G., Sus M. Differentiated cooperation as the mode of governance in EU foreign policy // Contemporary Security Policy. 2023. Vol. 44, №1. P. 4–34. doi: 10.1080/13523260.2023.2168854.
8. Biscop S. European security strategy revisited // International Organisations Research Journal. 2009. Vol. 4, №2. P. 105–120.
9. Böhmelt T., Freyburg T. Forecasting candidate states' compliance with EU accession rules, 2017–2050 // Journal of European Public Policy. 2017. Vol. 25, №11. P. 1667–1685. doi: 10.1080/13501763.2017.1348385.
10. Dür A. EU trade agreements and external differentiation: a large language model approach // West European Politics. 2024. Vol. 48, №5. P. 1059–1085. doi: 10.1080/01402382.2024.2425549.
11. Gstöhl S. Models of external differentiation in the EU's neighbourhood: an expanding economic community? // Journal of European Public Policy. 2015. Vol. 22, №6. P. 854–870. doi: 10.1080/13501763.2015.1020834.
12. Hooghe L., Marks G. Grand theories of European integration in the twenty-first century // Journal of European Public Policy. 2019. Vol. 26, №8. P. 1113–1133. doi: 10.1080/13501763.2019.1569711.
13. Kuhn T. Grand theories of European integration revisited: does identity politics shape the course of European integration? // Journal of European Public Policy. 2019. Vol. 26, №8. P. 1213–1230. doi: 10.1080/13501763.2019.1622588.

14. *Lavenex S.* The external face of differentiated integration: Third country participation in EU sectoral bodies // *Journal of European Public Policy*. 2015. Vol. 22, №6. P. 836–853. doi: 10.1080/13501763.2015.1020836.
15. *Neri-Castracane G., Canapa D., Brander T.* The Swiss legislation on business and human rights: A reform needed towards harmonization with EU law // *European Business Organization Law Review*. 2024. Vol. 25. P. 809–841. doi: 10.1007/s40804-024-00325-6.
16. *Pavel C. E.* The European Union and diminished state sovereignty // *Critical Review of International Social and Political Philosophy*. 2022. Vol. 25, №4. P. 596–603. doi: 10.1080/13698230.2022.2042956.
17. *Risse T.* Neofunctionalism, European identity, and the puzzles of European integration // *Journal of European Public Policy*. 2005. Vol. 12, №2. P. 291–309. doi: 10.1080/13501760500044033.
18. *Romanova T.* The concept of 'resilience' in EU external relations: A critical assessment // *European Foreign Affairs Review*. 2019. Vol. 24, №3. P. 349–366.
19. *Schimmelfennig F., Leuffen D., Rittberger B.* The European Union as a system of differentiated integration: interdependence, politicization and differentiation // *Journal of European Public Policy*. 2015. Vol. 22, №6. P. 764–782. doi: 10.1080/13501763.2015.1020835.
20. *Thevenin E., Liedlbauer L., Petri F.* Conclusions on contestation of EU foreign policy: diverse causes, various modes and multiple effects? // *Global Affairs*. 2020. Vol. 6, №4-5. P. 451–459. doi: 10.1080/23340460.2020.1892417.
21. *Ugur O.* The European Union foreign policy system and the extent of europeanization after the common foreign and security policy // *The Journal of International Scientific Researches*. 2025. №10. P. 276–293. doi: 10.23834/isrjournal.1653350.
22. *Wachowiak J., Zuleeg F.* Brexit and the trade and cooperation agreement: Implications for internal and external EU differentiation // *The International Spectator*. 2022. Vol. 57, №1. P. 142–159. doi: 10.1080/03932729.2022.2030604.
23. *Epiney A.* How does the European Union law influence Swiss law and policies? // *Rediscovering public law and public administration in comparative policy analysis: A tribute to Peter Knoepfel* / ed. by S. Nahrath, F. Varone. Bern, 2009. P. 179–196.

Об авторе

Даниил Юрьевич Менчиков – соискатель кафедры прикладного анализа международных проблем (ПАМП) МГИМО МИД России; старший преподаватель, Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия.
E-mail: dmenchikov@bk.ru

D. Yu. Menchikov

EU DE FACTO MEMBERSHIP: AN ATTEMPT TO ADAPT TO CURRENT CHALLENGES

MGIMO University, Moscow, Russia
Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia

Received 8 October 2025

Accepted 14 November 2025

doi: 10.5922/vestnikhum-2025-4-11

To cite this article: Menchikov D. Yu. 2025, EU de facto membership: an attempt to adapt to current challenges, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №4. P. 133–147. doi: 10.5922/vestnikhum-2025-4-11.

*The study examines a model of relations with the European Union referred to as “de facto membership.” The high relevance of this format of interaction stems from the challenges currently facing the EU, in particular issues related to its international actorness, as well as a number of EU initiatives aimed at establishing more flexible forms of cooperation, including in the field of foreign policy. The concept complements existing formats of differentiated integration and external differentiation in cooperation with the European Union. The purpose of the study is to expand existing concepts of cooperation with the EU that go beyond standard de jure membership. Event analysis and comparative analysis were employed as the main research methods. As a result, the study identifies key elements of de facto membership, including alignment of foreign policy, conditionality of integration, the significance of the energy component in economic interaction, independent initiatives by third countries to incorporate the *acquis communautaire* into domestic legislation, the importance of a shared cultural identity, as well as quantitative indicators – namely, the orientation of more than 50 % of a country’s foreign trade toward the European market and the implementation of over 50 % of EU legal acts into national law. A comparative analysis is provided of Switzerland as a representative case of de facto membership and the United Arab Emirates as a country currently only negotiating a free trade agreement with the EU. The study substantiates the conclusion that the EU leadership prioritizes the political dimension of the de facto membership model in its relations with third countries, often at the risk of undermining further cooperation.*

Keywords: European integration, differentiated integration, de facto membership, foreign policy alignment, conditionality of integration

The author

Daniil Yu. Menchikov, PhD candidate at the department of applied international analysis, MGIMO University; senior lecturer, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia.

E-mail: dmenchikov@bk.ru